

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-143-166

Константин Михайлович ТРУЕВЦЕВИнститут востоковедения Российской академии наук
Рождественка ул., 12, Москва, 107031, Российская Федерация
hrrc@mail.ru

Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена структуре и динамике конфликта на Ближнем Востоке, начало которого было положено процессом «арабской весны». Эпицентром конфликта стала Сирия, в которой антиправительственные волнения в начале 2011 г. разворачивались практически параллельно с другими странами, охваченными «арабской весной». С конца марта волнения начали перерастать в гражданскую войну, принявшую к концу года полномасштабный характер. Но если в ее начале оппозиционный сирийскому режиму лагерь был представлен самыми разными политическими силами – от либералов до исламистов, с начала 2012 г. компонент радикального исламизма стал в нем преобладающим. А к концу того же года доминирующей силой в нем стала откровенно террористическая «Джабхат ан-Нусра», выросшая из сирийского филиала «Аль-Каиды». В этот же период в противоборство в Сирии стали все более активно вмешиваться региональные и международные силы. Начиная с 2012 г., параллельно сирийскому, стал бурно развиваться и внутренний конфликт в Ираке, в ходе которого на авансцену вышло «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), в котором отряды иракского филиала «Аль-Каиды» соединились с боевыми структурами баасистского подполья. После захвата им значительных территорий в Сирии и Ираке в 2014–2015 гг. конфликт приобрел региональный характер.

Помимо Сирии и Ирака прямо или косвенно в нем оказались задействованы также Турция, Иран, Саудовская Аравия, Катар, а также ряд других государств региона. Турция была вовлечена в конфликт в Сирии косвенно, начиная с самого его начала, но с 2016 г. напрямую, причем не только в Сирии, но и в Ираке. Иран начал действовать в Сирии прямо и через своих шиитских союзников в 2013 г., в Ираке – начиная с 2014 г. Саудовская Аравия и Катар участвовали в сирийском конфликте косвенно, оказывая военную и финансовую помощь своим клиентам внутри страны. Однако активность Саудовской Аравии в этом направлении стала снижаться в 2015 г. в связи с ее задействованностью в конфликте в Йемене, который в общем контексте можно рассматривать в качестве периферийного компонента регионального спора. Кроме этих компонентов конфликта необходимо также указать и на другие, не менее важные. Один из них – участие в сражениях в рядах террористов «Джабхат ан-Нусры» и ИГИЛ боевиков не только из арабских, но и из других стран мира, включая государства Западной Европы, Северной Америки и бывшего СССР. Другой – растущая роль в противоборстве с террористами, в первую очередь ИГИЛ, курдских отрядов. Этот фактор привел к становлению курдской автономии на севере Сирии, параллельно с этим процессом стала разворачиваться вооруженная борьба и в Турецком Кур-

дистане. Этот процесс Турция рассматривает как угрозу своей территориальной целостности. Помимо региональных в конфликте участвуют и мировые державы – США и Россия. Но если создание международной коалиции во главе с США не привело к изменению течения конфликта, участие в нем России со второй половины 2015 г. внесло существенные коррективы в его ход. При намечающемся приближении возможного исхода операции против ИГИЛ, а также перспектив внутрисирийского урегулирования уместно поставить вопрос о постконфликтном

дизайне региона, что и делается в заключительной части статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сунниты, шииты, алавиты, исламисты, «Аль-Каида», ИГИЛ, Сирия, Ирак, Иран, Турция, Саудовская Аравия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Труевцев К.М. (2017). Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (2). 143–166. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-143-166

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-143-166

Konstantin M. TRUEVTSEV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka ul., Moscow, Russian Federation, 107031
hrrc@mail.ru

Middle East: Morphology of and Post-conflict design

ABSTRACT. *This article looks at the structure and the dynamics of the Middle Eastern crisis set in motion by the events of the Arab Spring. At the heart of the crisis was Syria, where anti-government protests broke out in early 2011, almost in parallel with other countries also affected by the Arab Spring. Starting from late March 2011, the unrest morphed into a civil war, leading to a large-scale crisis engulfing the country by the end of the year. At first, the opposition to the Syrian regime consisted of numerous groups with varying political affiliations – from liberals to Islamists – however, by early 2012, radical Islamism came to dominate the opposition forces. And by the end of the same year, the opposition was spearheaded by an openly terrorist organization – the al-Nusra Front, an outgrowth of the Syrian branch of Al-Qaeda. Over the same period, regional and international forces were*

becoming more and more involved in the Syrian crisis. Since 2012, in parallel with the Syrian crisis, there has been another internal conflict raging in the Middle East, namely in Iraq, with the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) taking the foreground and combining groups of Iraqi al-Qaeda militants with Baathist underground forces. In 2014–2015, ISIL took hold of large swaths of territory in Syria and Iraq, effectively turning the Syrian civil war into a regional conflict. In addition to Syria and Iraq, the ongoing crisis has involved – either directly or indirectly – such actors as Turkey, Iran, Saudi Arabia, Qatar, and a number of other regional powers. Turkey has been indirectly involved in the Syrian crisis since its very beginning, but starting from 2016 its engagement in the conflict has become much more active – not only in Syria, but also in Iraq. In 2013, Iran

started to interfere in the Syrian crisis directly, using its Shia allies, and expanded its presence onto Iraq in 2014. Saudi Arabia and Qatar's participation in the Syrian conflict has been indirect, mainly through military and financial assistance provided to their clients inside the country. However, Saudi Arabia's activities in Syria have started to decline in 2015, due to its military involvement in Yemen, which – in a broader context – can be perceived as a peripheral component of the large regional conflict. In addition to the above mentioned components, one could also name a number of other equally important factors to the crisis. One of them is that the ranks of al-Nusra and ISIL militants have been reinforced not only by people coming from the Arab countries, but also from the citizens of Western Europe, North America and the former USSR. Another factor has been the growing role of Kurdish groups in the confrontation with the terrorists, especially with ISIL. This has led to the creation of a Kurdish autonomy in northern Syria. At the same time, an armed confrontation began in Turkish Kurdistan, which Turkey views as a threat to its territorial integrity. The Syrian crisis has also been marked by involvement of global powers, such as the US and Russia. The US-led international coalition has not succeeded in changing the course of the conflict – on the other hand, Russia's involvement since the second half of 2015 has made a significant difference. With the end of the campaign against ISIL already in view, and with the prospects for a successful intra-Syrian settlement, it would seem reasonable to raise the question of the post-conflict configuration of the region, which is discussed at the end of the article.

KEYWORDS: *Sunnies, Shiites, Alavites, Islamists, El-Qaeda, ISIL (ISIS), Syria, Iraq, Iran, Turkey, Saudi Arabia*

FOR CITATION: Truevtsev K. M. (2017). Middle East: the morphology of conflict and post-conflict design. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 143–166. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-143-166

О современном состоянии ближневосточного конфликта с полной определенностью можно сказать, пожалуй, только одно: ясно очерчены его границы: с запада – Египет, с востока – Иран, с юга – Аравийское море, с севера – южное побережье Черного моря. Вся остальная территория прямо или косвенно (пока) охвачена бушующим огнем. В относительной безопасности (опять же пока) остаются лишь четыре страны Персидского залива: Кувейт, Катар, ОАЭ и Оман. Иран является непосредственным участником конфликта, но его территория остается вне досягаемости военных действий, чего нельзя сказать о Египте – внутри конфликтной зоны находится Синай.

О достоверности прогнозирования развязки конфликта и тем более о характере постконфликтного регионального дизайна в этих условиях можно говорить лишь в относительных категориях, тем более что в своем развитии конфликтный политический процесс уже достаточно продемонстрировал свою нелинейность, связанную в том числе и с некоторыми никем не предвидимыми поворотами. Тем не менее сегодня ряд основных линий дальнейшего течения конфликта относительно отчетливо выстроился, что позволяет сузить диапазон наиболее вероятных сценариев исхода.

Складывание основных линий конфликта (2011 – 2014 гг.) Сирия как эпицентр регионального конфликта

«Арабская весна» охватила подавляющее число арабских стран (Труевцев, 2011), однако она привела к радикальным изменениям, выразившимся в свержении существующих режимов только в четырех из них: Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Учитывая тот факт, что все эти режимы если не по формальным, то по реальным параметрам структуры и методов управления были более-менее идентичны, а еще два

аналогичных – в Ираке и Алжире – ранее подверглись либо уничтожению путем оккупации (Ирак), либо существенной эрозии в ходе длительной гражданской войны, многие аналитики предрекали, что и сирийский режим вскоре ожидает подобная участь¹.

Действительно, усталость от существующего режима в Сирии вылилась в массовые выступления, которые стали проходить в столице и других крупнейших городах страны с небольшим временным лагом по отношению к Тунису и Египту². Однако с самого начала было ощущение, что политический процесс здесь развивается иначе, чем в других странах.

Радикализация ситуации произошла в марте 2011 г. после ряда неверных шагов режима – непропорционального применения силы³, а также циничного поведения представителей властей, что спровоцировало восстание в г. Даръа близ границы с Иорданией в конце марта. Именно с этого момента фактически и началась гражданская война, охватившая значительную часть страны.

Но сразу после этого Б. Асад предпринял ряд шагов, позволивших ему расколоть оппозицию и консолидировать определенную часть населения вокруг режима или, по крайней мере, нейтрализовать протестные настроения (Шишкина, 2012). Однако радикальная часть оппозиции, действовавшая под лозунгом свержения режима и перехода власти к представителям суннитского большинства, не желала ни-

какого примирения с существующей властью⁴. При этом лозунг власти суннитского большинства не только расколол общество по конфессиональному признаку, но и положил начало эскалации деятельности исламистского крыла оппозиции. Положение осложнялось и тем, что большая часть солдат и офицеров уже к середине года дезертировала из армии (по данным военных специалистов, примерно 200 тыс. из общего числа 325 тыс. чел.). В конце июля оппозиционными офицерами было объявлено о создании Свободной сирийской армии (ССА). Однако это не значит, что все 200 тыс. дезертировавших военнослужащих вошли в состав ССА. Многие из них влились в ряды различных крупных и мелких вооруженных формирований, общее число которых, по мнению ряда арабских, российских и американских экспертов, начиная с 2012 г. достигло семи тысяч.

В марте произошло также восстание курдов в г. Камышлы, которое распространилось на большинство курдских районов. Однако Б. Асаду удалось купировать развитие национального движения курдов в направлении вооруженной борьбы против сирийского режима. В начале апреля он принял в Дамаске представительную делегацию курдов из Камышлы, после чего появилось официальное сообщение о предоставлении сирийского гражданства многим из общего числа 150 тыс. курдов, которого они добивались в течение многих лет. Это стало знаковым событием в том отношении, что начиная с этого

1 Это нашло отражение в целом ряде аналитических материалов. «При слишком жестком подавлении выступлений режим Асада ждет судьба Каддафи... При мягком ответе на протест... режим ждет судьба Туниса», отмечалось, например, в статье, описывавшей дилемму Б. Асада в начальный период событий. См.: Хлюстов М. «Арабская весна» в Сирии. Центр стратегических оценок и прогнозов. URL: <http://www.csef.ru/ru/politika-i-geopolitika/477/arabskaya-vesna-v-sirii-4767> (Дата обращения: 15.03.2017)

2 Антиправительственные демонстрации начали проходить в Дамаске 26 января 2011 г., т. е. на следующий день после кульминационных событий на площади ат-Тахрир в Каире. См.: (Шишкина, 2012, с. 336).

3 В период с февраля по март, по сообщениям арабской печати, в результате действий армии и полиции погибло более 100 человек из числа протестующих демонстрантов. URL: <http://www.asharqalarabi.org.uk/m-w/b-mawakif-562.htm>. (Accessed: 15.03.2016)

4 В июне активизировались выступления радикальной оппозиции как внутри Сирии, так и за ее пределами, прежде всего в Турции. Guide to the Syrian opposition. BBC. 17 October 2013. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218>. (Accessed: 15.03.2016)

времени курды (в подавляющем большинстве сунниты по вероисповеданию) выпали из потенциальной социальной базы движения под лозунгом власти суннитского большинства.

Политическое оформление радикальной оппозиции – и это еще одно существенное отличие политического процесса в Сирии от ряда других стран, охваченных «арабской весной», – заметно запаздывало по времени от того, что происходило на улице. Создание первой общенациональной оппозиционной организации, Сирийского национального совета, произошло 2 октября в Стамбуле⁵. СНС не выдвигал на первый план религиозно-политических целей. В то же время он получил поддержку со стороны самой крупной на тот период оппозиционной религиозно-политической силы – «Братьев-мусульман».

С самого начала 2012 г. вооруженная оппозиция стала резко принимать исламистскую окраску. Хотя исламистские вооруженные группировки стали формироваться еще в 2011 г., именно в первые месяцы 2012 г. они вышли на передний план вооруженной борьбы. Среди них особенно выделялись «Ахрар аш-Шам» и «Лива аль-Ислам» (впоследствии – «Джейш аль-Ислам»). Первая была связана с движением «Братья-мусульмане», вторая ориентировалась на идеологию ваххабизма. С этого времени, если Запад по-прежнему продолжал поддержку США, считая ее ведущей вооруженной силой оппозиции, региональные игроки стали делать основные ставки на исламистов: Турция и Катар – на «Ахрар аш-Шам», саудовская Аравия – на более близкую к ней «Лива аль-Ислам».

Вместе с тем именно в этот период стала нарастать первая большая неожиданность в характере внутрисирийского конфликта, которая вскоре поставила под вопрос всю стратегическую линию действий внешних по отношению к нему сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боестолкновениях оказалась вовсе не США, а никому дотоле не известная «Джабхат ан-Нусра», которая оказалась не чем иным, как организацией «Аль-Каиды» в Сирии и Ливане. Силы этой организации стали стремительно нарастать, к ней присоединились 12 других организаций исламистской направленности, в том числе такие уже упоминавшиеся, как «Ахрар аш-Шам» и «Лива али-Ислам», которые до этого действовали под эгидой США.

Таким образом, «Джабхат ан-Нусра» с этого момента превратилась в доминирующую силу вооруженной оппозиции, являясь в то же время и «зонтичной» организацией, в ряды которой влились практически все основные группировки исламистской оппозиции, а также большое число мелких групп боевиков. В то же время численность США стала таять на глазах, превращая ее во второстепенную силу.

Далее события развивались следующим образом. 11 ноября в столице Катара Дохе произошло создание Коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС). В нее вошел целый ряд оппозиционных групп, в том числе СНС⁶. Уже до конца 2012 г. оформилось не только фактическое, но до определенной степени и юридическое признание НКСРОС со стороны ряда арабских и западных стран, выразившееся в конечном счете и в том, что в ЛАГ она оказалась единственным представителем Сирии. Призна-

5 О создании СНС рядом активистов сирийской оппозиции было объявлено в Стамбуле еще в сентябре, однако его организационное оформление произошло 2 октября. См.: Syrian National Council. Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britanica.com/topic/Syrian-National-Council>. (Accessed: 15.03.2016); Guide to the Syrian Opposition. BBC. 17 October 2013. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218>. (Accessed: 15.03.2016)

6 Guide to the Syrian Opposition. BBC. 17 October 2013. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218>. (Accessed: 15.03.2016).

ние НКСРОС означало также и международное признание США, поскольку именно она и рассматривалась как фактически единственная реальная сила, представляющая НКСРОС внутри Сирии⁷.

Но внутри страны она уже не была ведущей силой вооруженной оппозиции. А «Джабхат ан-Нусра», которая такой ведущей силой уже стала, выразила свое отношение к НКСРОС совершенно определенно: она назвала НКСРОС «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран. Отношение же западных стран (как и международного сообщества в целом) к «Джабхат ан-Нусре» тоже проявилось достаточно определенно. Она была признана террористической организацией: правительством США – в декабре 2012 г.; ООН – в мае 2013 г.; правительством Австралии – в июне 2013 г.; правительством Великобритании – в июле 2013 г.

Отношение региональных сил к этому фронту было не столь однозначно. Представители нефтяных монархий официально не признали его террористической организацией, а в неофициальном порядке некоторые выражали несогласие с «наклеиванием на муджахедов ярлыка террористов», по крайней мере до тех пор, пока не выявились их самые одиозные выходы вроде проявлений каннибализма. Турция официально присоединилась к признанию фронта террористической организацией, однако именно через ее территорию осуществлялась (и практически до сих пор осуществляется) поставка ему вооружения и, что не менее важно, просачивание увеличивающегося числа наемников из различных стран.

Что касается событий внутри Сирии, здесь картина стала претерпевать достаточно быстрые изменения. Во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое – почти до 30%. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффективных политических мер, о которых уже говорилось выше, существенную роль в этом отношении призван был сыграть и действительно сыграл курдский фактор.

Уже в конце 2012 – начале 2013 г. произошли значимые столкновения между курдами и исламистами, причем не только в пограничных курдских районах, но и в Алеппо. В ответ на выступления курдов боевики «Джабхат ан-Нусры» начали чинить зверства по отношению к мирному курдскому населению, и это привело к тому, что курды стали перекрывать пути их снабжения с территории Турции⁸.

Такое изменение соотношения сил сказалось и на значительной части арабского суннитского населения. Около трех миллионов сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы Иордании, Турции и Ливана⁹. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызывали растущее отторжение.

На этом фоне началось активное наступление сирийской армии на целом

7 Арабские страны признали объединенную оппозицию Сирии. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121112_arab_recognise_syria_opposition (Дата обращения: 15.03.2017)

8 Люлько Л. Автономия курдов – изысканный ход Асада? URL: <http://www.pravda.ru/world/asia/middleeast/13-11-2011/1182052-asad-0/> (Дата обращения: 15.03.2017)

9 В дальнейшем эмиграция из Сирии еще более увеличилась. Так, по данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2015 г. зарегистрировали 4,2 млн. прибывших в Европу сирийцев, однако французские исследователи настаивали на цифре 5,3 млн. Поток мигрантов из Сирии вырастает. *Atlantico*, Франция. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151215/234804000.html> (Дата обращения: 15.03.2017)

ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактического рисунка действий вооруженных сил – переход от попыток фронтального наступления к концентрированным ударам по скоплению боевиков и использованию паравоенных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо¹⁰. В юго-западных районах страны на помощь сирийскому режиму выдвинулись боевые отряды «Хизбаллы», имеющие длительный боевой опыт гражданской войны в Ливане. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они фактически изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и почти полностью перекрыли пути снабжения суннитских боевиков с территории Ливана. Таким образом, общее стратегическое соотношение сил к лету 2013 г. изменилось в пользу режима Б. Асада: хотя в чисто географическом отношении большая часть страны по-прежнему контролировалась боевиками «Джабхат ан-Нусры». Это были преимущественно районы Сирийской пустыни. Что же касается наиболее населенных районов центра, севера и запада страны, здесь военно-политическое превосходство режима стало очевидным.

Именно в этой обстановке произошло событие, грозившее новым существенным поворотом в развитии конфликта. 21 августа в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска¹¹. В использовании химического оружия был обвинен сирийский режим. Президент США Б. Обама 30 августа заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. Началось сосредоточение американских военно-морских сил в Средиземном море. Готовность поддержать

США в случае военной операции выразила также Франция.

Как известно, такой эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам между В. Путиным и Б. Обамой в сентябре 2013 г., в результате чего стало возможным разблокирование ситуации путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации сирийского химического оружия.

Несмотря на то, что таким образом наиболее опасная линия развития конфликта по пути его прямой интернационализации была предотвращена, в 2013 г. стало очевидно, что конфликт из чисто сирийского стал приобретать региональный характер. На стороне оппозиции во всевозрастающих масштабах стали сражаться наемники из арабских и других мусульманских стран, а также из числа мусульман в странах Запада и СНГ, включая Россию. Их количество уже в 2013 г. стало исчисляться тысячами.

Во второй половине 2013 г. на сирийском театре военных действий помимо чисто сирийской по своему происхождению (имея в виду, что она создавалась на базе сирийского отделения «Аль-Каиды») «Джабхат ан-Нусры» появились боевики действовавшей до этого в основном в Ираке организации под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Поскольку эта деятельность с точки зрения алавитов и шиитов носила ярко выраженный суннитский оттенок, в ответ на это в регионе стала формироваться противостоящая ей шиитская ось. Помимо вступления в вооруженную борьбу на стороне сирийского режима начиная с первых месяцев 2013 г. боевых отрядов «Хизбаллы» осенью появились сообщения о направлении в Сирию на помощь режиму Б. Асада из Ирана четырех тысяч бойцов Корпуса

10 Эль-Мюрид. Как Сирия прошла 2013 год. URL: <http://itar-tass.com/opinions/1944>. (Дата обращения: 15.03.2017)

11 Проблема применения химического оружия в Сирии. URL: <http://itar-tass/mezhdunarodnaya-panorama/664000> (Дата обращения: 15.03.2017)

стражей исламской революции (КСИР)¹². Кроме того, ряд источников сообщал о том, что на стороне сирийского режима сражаются боевые отряды иракских шиитов. Таким образом, в регионе в рамках вооруженного противостояния сложились две противоборствующие политико-конфессиональные оси – суннитская и шиитская, и это противостояние затрагивало непосредственно интересы расположенных в нем государств, неся в себе потенциальную угрозу тотального распространения конфликта на уровне региона.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала генеральное развитие дальнейших событий по пути усиления противостояния именно по линии противоборства этих двух региональных политико-конфессиональных осей, причем со складывавшимся перевесом в сторону шиитской. В пользу этого вроде бы свидетельствовали и события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусрой» и ИГИЛ, унесшие, по некоторым данным, около 2000 жизней их участников, ослабили общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволили вооруженным силам сирийского режима развивать успешные наступления на их позиции. Однако в начале лета ситуация стала стремительно меняться в совершенно неожиданном не только для местных и региональных сил, но и для глобальных центров, прямо или косвенно задействованных в этом ставшем уже региональным конфликте.

29 июня вместо прежнего названия ИГИЛ было провозглашено создание «Исламского государства» (уже без территориальной привязки) в форме халифата. Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусрой» (разумеется, не окончательная и неполная) объ-

ясняется, на мой взгляд, двумя факторами, на которые поначалу практически никто не обратил внимания.

Первый заключался в том, что эта группировка изначально объявила себя государством, причем государством юнионистским, реально к тому же уже действуя на территориях обоих государств, заявленных в ее названии – Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, кажется, становился близок к реальному воплощению, так и юнионистов, для которых идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте.

Второй фактор заключался в более качественном военном руководстве и планировании, другом уровне осуществления военных операций. Но для того, чтобы более точно воспроизвести деятельность ИГИЛ, необходимо рассмотреть ситуацию в Ираке.

Другие компоненты конфликта

ИРАК

Ситуация в Ираке требует возвращения к ряду основных событий и фактов в стране начиная с 2003 г., дабы прояснить, каким образом складывались и формировались основные линии политического процесса сегодняшнего дня, которые трудно охарактеризовать иначе, чем линии распада.

20 марта 2003 г. началось вторжение сил руководимой США коалиции в Ирак. К 1 мая операция по свержению режима Саддама Хусейна была завершена. Однако это не означало окончания войны, так как, несмотря на слом государственной военной машины Ирака и ликвидацию правительственных структур, сопротивление оккупации продолжалось гораздо более длительный период, поскольку вывод американских войск из Ирака состоялся 18 де-

12 Так, по данным из английских источников, в 2011–2012 гг. роль Ирана ограничивалась оказанием финансовой и военно-технической поддержки сирийской национальной армии, однако начиная с конца 2012 – начала 2013 г. Иран направил в Сирию подразделения регулярной армии, а также Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Во второй половине 2013 г. численность иранских военных формирований в САР еще более возросла (Bassiri, Pantucci, 2016, p. 4–5).

кабря 2011 г. Таким образом, война в Ираке длилась в общей сложности девять лет.

До начала оккупации Ирака подразделений «Аль-Каиды» в Ираке не было, отмечались лишь отдельные попытки их проникновения в страну, небезуспешно подавлявшиеся баасистским режимом. Но с приходом американских войск они там появились, причем в начальной фазе операции против баасистского режима они активно боролись как против войск коалиции, так и против структур иракского режима.

Войскам коалиции приходилось вести борьбу на два фронта – против партизанского движения иракских суннитов, организованного главным образом остатками баасистских структур, и бойцов «Аль-Каиды». Эта борьба облегчалась тем, что между этими двумя структурами сопротивления не только не было координации, но и продолжалась открытая вражда. Однако отряды «Аль-Каиды» постоянно пополнялись за счет прибывавших арабов-суннитов из других стран, в первую очередь из соседних Сирии, Иордании и Саудовской Аравии. Иначе говоря, американский спецназ на некоторое время действительно серьезным образом обрушил структуры исламских радикалов в целом ряде арабских стран и тем самым нанес определенный урон «Аль-Каиде».

Этноконфессиональная вражда, пребывавшая ранее в латентном состоянии, вылилась наружу, с той, однако, разницей, что слабой стороной в этом противостоянии теперь стали не курды и не шииты, а иракские арабы-сунниты, среди которых всегда выделялась прослойка наиболее образованного, интеллектуально развитого и секуляризованного населения. Это противостояние уже дало ряд результатов, которые со временем могут привести к необратимым политическим последствиям и уже сегодня отражаются на политической и социально-

политической структуре страны, в особенности в этноконфессиональном ее аспекте.

Сунниты-арабы из первой уже превратились в третью силу политического спектра, что видно и из состава парламента, и из перечня первых и других ведущих лиц страны. И дело идет к тому, чтобы они стали третьей социально-политической силой в чисто физическом выражении, уступив второе место курдам: доля арабов-суннитов в населении Ирака сокращается. Общим результатом этого этноконфессионального противостояния становилось заметное сужение и без того ограниченного ареала проживания арабов-суннитов как с северной, так и с южной стороны в направлении центра Ирака.

Сразу после свержения С. Хусейна в Ирак вернулись те структуры, которые либо были вынуждены перевести свои руководящие органы за границу, либо создавались в эмиграции. Это, прежде всего, шиитские политические партии, но не только. Это также относится и к ряду других политических организаций, запрещенных и преследовавшихся баасистским режимом. Уже в 2003 г. ряд деятелей этих структур получили посты во временной, переходной администрации Ирака, созданием которой руководили в тот период оккупационные власти при личном участии Посла США в Ираке Пола Бремера.

В 2004 г. Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ) принял временную конституцию Ирака. Текст этого документа был в основном написан американскими конституционалистами и потому сохранил положения, базировавшиеся на принципах, почерпнутых из западных политических систем, практически не отражая арабских законодательских традиций и реалий страны (Мирский, 2005). Помимо временной конституции одним из важнейших юридических актов было принятие Закона о дебаасизации¹³.

¹³ Закон был принят в мае 2003 г. при временной администрации Пола Бремера. В соответствии с ним была создана комиссия по дебаасизации, которую возглавил А. Чалаби, а его заместителем стал Нури аль-Малики – один из лидеров партии «Исламский призыв», который, будучи до этого в эмиграции в Сирии, тайно вернулся в Ирак еще в 2002 г.

Следует отметить, что не только сама идея этого закона, но и многие положения его текста были почерпнуты из Закона о денацификации Германии и поддержаны в Ираке всеми основными фракциями бывшей иракской оппозиции. В соответствии с этим законом была осуществлена широкомасштабная чистка государственного аппарата, местных администраций и силовых структур от бывших функционеров и попросту членов партии «Аль-Баас». В январе 2005 г. состоялись выборы в Переходную национальную ассамблею (парламент). Одной из главных задач этого переходного парламента стала разработка постоянной конституции страны, которая затем была вынесена на всенародное голосование и принята на общенациональном референдуме 15 октября 2005 г.

В отличие от временной конституции про этот документ уже нельзя было сказать, что он не учитывает иракских реалий. Одной из главных особенностей конституции является положение о федеративном устройстве Ирака. Структура федеративного устройства следующая: страна делится на регионы, провинции, не входящие в регионы, и местные администрации. Введение принципа федерализма стало принципиально новым шагом в конституционном устройстве страны: на всех этапах предыдущего исторического развития Ирак являлся унитарным государством. В этот раз введение принципа федерализма в конституцию означало, прежде всего, признание факта суверенитета Курдистана, который реально уже существовал на этой территории в течение более чем десяти лет.

Вместе с тем в конституции никоим образом не был отражен фактор поликонфессиональности населения страны, что стало одной из причин дальнейшего углубления противоречий между шиитами и суннитами среди арабского населения Ирака в условиях фактического доминирования шиитов в политической жизни. Принятие конституции стало важнейшим шагом в завершении переходного пе-

риода, суть которого заключалась в транзите власти от оккупационной администрации к полностью иракским политическим структурам. Но окончательная легитимизация иракской власти произошла в декабре 2005 г., после выборов в теперь уже не переходный, а постоянный парламент, действующий на основании конституции. Шииты как крупнейшая фракция имели прерогативу назвать премьера. Им стал малоизвестный на тот момент широкой публике Нури аль-Малики, который и был избран премьером.

21 декабря 2010 г. парламент утвердил новый состав кабинета, который в очередной раз возглавил Н. аль-Малики. Президентом страны к этому времени был вновь избран Дж. Талабани, а председателем парламента стал представитель суннитов Усама ан-Наджафи.

В 2011 г., пожалуй, главным событием стало окончание вывода войск коалиции, прежде всего США, из Ирака. Вывод был завершён раньше намечавшегося прежде срока и стал как результатом обещания, данного президентом США Б. Обамой американскому народу в ходе предвыборной кампании, так и позиции иракского правительства, которое также настаивало на скорейшем выводе иностранных войск и отказалось от компромисса, по которому США сохраняли бы в Ираке свои военные базы после вывода войск. Вывод войск происходил в далеко не простой политической обстановке, складывающейся в арабском мире в связи с волнениями «арабской весны», охватившей большинство арабских стран. Однако стоит отметить, что этот взрыв турбулентности, который поразил большинство государств региона, напрямую практически не затронул Ирак.

Но в конце 2011–2012 гг. осложнилась обстановка и в самом Ираке. Целый ряд террористических актов был проведён в Багдаде, Мосуле, Киркуке и нескольких провинциях страны. Основную ответственность за теракты взяла на себя «Исламская армия Ирака», которая, несмотря

на свое название, являлась ведущей организацией баасистского подполья и после ухода американских войск поставила перед собой задачу разжечь межконфессиональный конфликт в стране. Претендуя на общеиракскую роль, «Исламская армия Ирака» тем не менее состояла из суннитов, как иракцев, так и арабов из других стран, которые вербовались в ее ряды.

Ситуация в Сирии начиная с 2011 г. стала оказывать самое прямое воздействие на Ирак. Помимо того что основная часть трехмиллионного отряда иракской эмиграции находилась в Сирии, гражданская война в этой стране приняла оттенок алавито-суннитского противостояния, поэтому в Ираке представители шиитов стали расценивать действия суннитской оппозиции как направленные против шиитского меньшинства. Это отразилось и на позициях доминирующих шиитов во власти, все больше склонявшихся к союзу с режимом Б. Асада.

Суннитским ответом в Ираке стало создание в 2013 г. организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)¹⁴. Руководителем ее с 2010 г. является Абу Бакр аль-Багдади. В ее рядах впервые смогли объединиться структуры организации «Аль-Каиды» в Ираке с отрядами баасистского подполья, в которые к этому времени влились выпущенные из тюрем высшие офицеры баасистской Национальной гвардии и армии свергнутого режима. Вскоре после создания в 2013 г. произошло взаимное размежевание между ИГИЛ и «Аль-Каидой». ИГИЛ начало осуществлять свои операции на территории не только Ирака, но и Сирии.

Что касается территории Ирака, одной из первых операций ИГИЛ стало его участие в восстании суннитов в провинции

аль-Анбар в конце 2013 г. Но к началу лета 2014 г. боевые операции ИГИЛ в стране приняли полномасштабный характер. 10 июня 2014 г. боевики ИГИЛ захватили крупнейший город севера Ирака Мосул, 11 июня – Тикрит, а спустя несколько дней подошли вплотную к Багдаду. Опасность, угрожавшая иракской столице, стала приобретать вполне реальные очертания, однако военное руководство ИГ неожиданно сменило главное направление своих действий, вновь переместив его на территорию Сирии. В августе 2014 г. отряды ИГИЛ захватили курдский город Синждар, расположенный в провинции Нейнава, в относительной географической близости от Мосула.

Под контролем ИГИЛ оказались территории Сирии и Ирака, на которых был установлен крайне жестокий репрессивный режим. Массовые казни, превращаемые в медиашоу, пытки и избиения за малейшие провинности против установленный самозванных властей стали повседневной действительностью этого квазигосударства. Массовым истреблениям на этой территории стали подвергаться курды, христиане, представители других этнических и конфессиональных групп. В то же время на территорию подконтрольную ИГИЛ стали стекаться тысячи радикальных исламистов, зомбированных ими людей и просто искателей приключений со всего мира. К концу 2014 г. ИГИЛ контролировал не менее 40% территории Ирака и значительную часть территории Сирии. К этому времени ему удалось овладеть значительными финансовыми и экономическими ресурсами в обеих странах. Захват национального банка в Мосуле с его авуарами, которые оценивались от 500 млн до 2 млрд долл., нефтяных и газовых инфра-

14 Первые предпосылки к созданию ИГИЛ возникли еще в 2003 г., когда выходец из Иордании Абу Мусаб аз-Заркауи создал на территории Ирака филиал Аль-Каиды. Уже в 2006 г. на ее базе было образовано «Исламское государство Ирака». А уже в 2013 г., после его слияния с боевыми структурами баасистского подполья, возникло название «Исламское государство Ирака и Леванта» с явными претензиями не только на территории Ирака и Сирии, но также и Ливана, Иордании и Палестины. См.: Исламское государство ИГИЛ: история создания, структура, источники финансирования, цели и методы борьбы. URL: <http://militaryarms.ru/armii-mirs/islamskoe-gosudarstvo/> (Дата обращения: 15.03.2017)

структур, плодородных земельных угодий, культурных ценностей – все это создавало солидную экономическую базу существования этого исламистского квазигосударства, основанного на принципах халифата. Кроме того, ИГИЛ удалось построить внутри захваченных земель и базу постоянно-го налогообложения.

Военные действия ИГ и жестокие поражения иракской регулярной армии, приведшие к ее почти полному разгрому, повлекли за собой изменения в руководстве страны. Они стали поводом для отставки Нури аль-Малики с поста премьер-министра, хотя причинами было нараставшее недовольство его действиями как внутри страны, со стороны руководства Курдистана, а также курдов, суннитов и части шиитов в рядах парламента и в структурах исполнительной власти, так и со стороны Соединенных Штатов.

ТУРЦИЯ

Отношение Турции к событиям в Сирии было существенным образом связано с той региональной ролью, которую ее руководство определило для страны в связи с «арабской весной». В Турции «арабская весна» была встречена с особым энтузиазмом. Страна ощутила себя в авангарде политического процесса на Ближнем Востоке¹⁵, что не могло не сказаться на ее политике в отношении соседней Сирии, тем более что силы сирийской оппозиции имели определенную почву на ее территории, чем она и не преминула воспользоваться.

В апреле 2011 года Р.Т. Эрдоган, находившийся тогда на посту премьер-министра и имевший, по его выражению, «братские» отношения с Б. Асадом, пред-

ложил ему начать переход к многопартийной системе, настаивая на обязательном включении в нее «Братьев-мусульман». Сирийское руководство и лично президент Б. Асад, настроенные на политические реформы, в то же время были вовсе не готовы к усилению роли «Братьев-мусульман», с которыми режим разделяла глубокая многолетняя конфронтация. Это стало камнем преткновения в двусторонних отношениях, которые начали быстро перерастать во вражду.

Это выдвинуло Турцию в авангард региональных держав, оказывающих поддержку сирийской оппозиции вплоть до того, что в сентябре 2012 г. дело дошло до эпизодов прямого столкновения, грозивших перерасти в прямой турецко-сирийский военный конфликт.

Однако в 2013 г. обстановка в Турции существенным образом изменилась. Начиная с конца мая в Стамбуле начались серьезные волнения на площади Таксим, которые вскоре перекинулись на большинство крупнейших городов страны. Массовые беспорядки продолжались sporadически в течение двух месяцев и прекратились только в конце августа. Причем спустя три месяца они вспыхнули с новой силой, хотя и с несколько иной мотивацией, получив продолжение уже в следующем, 2014 г. Они ознаменовались несколькими линиями общественно-политического раскола. Причем эти линии не только были связаны с развитием сирийского кризиса, но в какой-то мере и сами отражали, будь то прямо или косвенно, отношение значительных секторов турецкого общества к сирийским событиям.

15 В сентябре 2012 г. Р. Эрдоган, выступая на съезде Партии справедливости и развития (ПСР), заявил, что его партия стала примером для подражания для всех мусульман. ВВС. Русская служба. 30.09.2012 URL: http://www.bbc.com/Russian/international/2012/09/120930_turkey_party_congress.shtml. (Дата обращения: 15.03.2017). Не случайно на этом съезде в качестве гостей присутствовали президент Египта М. Мурси, представлявший партию победивших на египетских парламентских выборах «Братьев-мусульман», которая, как и партия Р. Эрдогана, была названа Партией справедливости и развития, а также лидер «Хамас» Х. Машааль. Это был период, когда победа «Братьев-мусульман» в результате «арабской весны» в Египте и Тунисе вселяла в турецких исламистов надежды на продолжение побед «Братьев-мусульман» в других странах, а также на то, что турецкой ПСР удастся оседлать эту волну.

Первая линия раскола – между сторонниками правящей исламистской партии и «кемалистами» в самом широком смысле, т. е. сторонниками светского республиканского правления, в чьих рядах на деле оказались и анархисты, и коммунисты, выступившие вместе с экологами застрельщиками протеста.

Вторая линия раскола – между турками и курдами: последние активно использовали участие в протестах для продвижения своих целей.

Третья, совершенно новая линия раскола выявилась в рядах самих исламистов между сторонниками Р. Эрдогана и сторонниками стоявшего у истоков современного исламистского движения в Турции религиозно-политического мыслителя и общественного деятеля Фетхуллага Гюлена, посчитавшего, что Р. Эрдоган свернул с дороги «правильного», просвещенного турецкого исламизма.

Наконец, четвертая, также совершенно новая в политическом контексте линия раскола – между суннитским большинством и турецкими алевитами, впервые выступившими в ходе этих событий как самостоятельная политическая сила.

В контексте сирийского конфликта здесь интересно вот что. Если курды по уже во многом объясненным причинам не только ослабляли линию Турции в сирийском кризисе, но и предвосхищали одну из линий его возможной регионализации в турецком направлении, то заявленные позиции гюленистами и алевитами нанесли по ней не менее серьезный удар. Первые заявили о том, что позиция Турции в отношении Сирии является в корне неверной и ее необходимо пересмотреть в сторону восстановления отношений с сирийским режимом. Вторые прямо выступили на стороне Б. Асада и выразили готовность любыми средствами поддержать сирийский режим. Позиции всех трех сил достаточно значимы как в социально-демографическом, так и в политическом смысле. Курды, по разным оценкам, составляют от 15 до 20 млн. из 80-миллион-

ного населения страны, алевиты – до четверти населения.

Что касается курдов, то в целом именно в этот период Р. Эрдогану удалось достичь определенного прорыва в решении курдского вопроса, который являлся одним из наиболее уязвимых мест общей политической стабильности в стране на протяжении десятилетий. Стоит напомнить, что курды вели борьбу за свои национальные права достаточно длительное время. В 1978 г. была образована Рабочая партия Курдистана (РПК), которая возглавила вооруженную борьбу в населенных курдами провинциях Турции. В 1980-е гг. РПК удалось создать многотысячную партизанскую армию, а ее политические структуры контролировали значительную часть курдского общества в Турции.

17 июля 2011 г. союз курдских неправительственных организаций «Конгресс демократического общества» объявил о создании курдской автономии в составе Турции. В 2012–2013 гг. глава турецкой разведки Хакан Фидан по указанию Р. Эрдогана провел серию переговоров с лидером РПК А. Оджаланом, находящимся в заключении. Их результатом стал призыв А. Оджалана к РПК прекратить вооруженное противостояние. В мае начался вывод вооруженных сил РПК из Турции на территории Иракского и Сирийского Курдистана, который был завершен в начале 2014 г. Таким образом, была не только снята острота турецко-курдского противостояния внутри страны, но и, казалось, устранен ее вооруженный компонент.

Вместе с тем это имело отложенные последствия, которые выразились в следующем:

- Было положено начало созданию инфраструктуры курдской автономии на территории Турции в виде муниципалитетов на территории населенных курдами турецких провинций.

- Выведенные на территорию Сирийского Курдистана отряды РПК стали ядром создаваемых там отрядов народной самообороны, а в Иракском Курдиста-

не они стали самостоятельной военной силой, которой суждено было сыграть важную роль в последующих событиях. Граница же между соответственно Иракским, Сирийским Курдистаном и Турцией оставалась достаточно прозрачной, что не гарантировало от возвращения этих отрядов в случае нового обострения.

• В результате этого политического процесса на арену вышла новая легальная политическая организация – Демократическая партия народов во главе с Салахеттином Демирташем, которая в результате последних выборов превратилась в третью парламентскую силу страны. Эта партия стала не только легальным представителем курдов, но и выразителем интересов всех других национальных меньшинств, а также алевитов как наиболее крупного конфессионального меньшинства.

Хотя Р. Эрдогану удалось успешно выйти из всех перипетий двух лет почти непрерывных волнений, эти позиции не могли не наложить отпечатка на роль Турции в сирийском конфликте и до поры до времени практически нейтрализовали ее роль в нем. Однако уже в 2014 г. Р. Эрдогану в целом удалось справиться с волнениями или, по крайней мере, значительно притупить их острую фазу, что позволило турецкому руководству с прежней активностью вернуться к сирийским проблемам.

Впрочем, определенная роль Турции в сирийских делах носила перманентный характер. Именно через Турцию шла основная финансовая и военная поддержка оппозиции, включая различные силы радикальных исламистов. Прежде всего, речь шла о поддержке «Ахрар аш-Шам» и других группировок, связанных с «Братьями-мусульманами», которые были напрямую завязаны на Турцию. Но оказывалась поддержка и «Джабхат ан-Нусре», а в дальнейшем также и ИГИЛ. После того как в Египте были устранены от власти «Братья-мусульмане», роль Турции еще более усилилась и в транзите террористов на территорию Сирии как из арабских стран, так и со всех концов света.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Королевство Саудовская Аравия (КСА) с самого начала рассматривалось в качестве одного из главных региональных участников сирийского конфликта. КСА выступала и продолжает выступать в качестве одного из главных критиков сирийского режима и сыграла одну из основных ролей в исключении Сирии из Лиги Арабских Государств (ЛАГ). Саудовская Аравия поддержала НКСРОС с начала его создания и способствовала его представительству в ЛАГ. Одна из самых непримиримых политических групп оппозиции на переговорах в Женеве – Высший комитет по переговорам (ВКП) – была сформирована в столице Саудовской Аравии (недаром ее еще называют «группой Эр-Рияда»). Было немало публикаций о спонсорстве различных групп оппозиции со стороны Саудовской Аравии, а также документальных свидетельств о поставках вооружений для оппозиции через Джидду. Среди боевиков, в том числе и их полевых командиров, было отмечено достаточно большое число лиц, имеющих саудовское гражданство.

Все это так. Но, с другой стороны, прямой вовлеченности Саудовской Аравии в сирийский конфликт отмечено не было. Ни частей и подразделений вооруженных сил, ни каких-либо отрядов спецназа (в отличие, например, от Турции). Эта, на мой взгляд, примечательная деталь заслуживает анализа.

Во-первых, вопреки порой встречающемуся расхожему мнению, будто все события «арабской весны» были спланированы Саудовской Аравией, это далеко не так. Разумеется, в этих событиях в КСА увидели определенный шанс для дальнейшего усиления роли политического ислама в регионе и в исламском мире в целом, а следовательно, и в дальнейшем укреплении своей роли и как центра исламского мира, и как региональной державы. Однако, как отмечал один из наиболее авторитетных российских исследователей политики Королевства, «саудовская позиция в отношении событий

«арабской весны» выглядела селективной» (Косач, 2015, с. 52). Стоит при этом помнить, что этими событиями была охвачена и сама Саудовская Аравия, особенно ее Восточная провинция в 2011 г., и поэтому отношение к ним со стороны руководства монархии изначально не могло быть однозначным.

Во-вторых, для КСА с самого начала было характерно резко негативное отношение к движению «Братья-мусульмане», в котором они усматривали вид салафизма, альтернативный ваххабизму, лежащему в основе официальной идеологии Королевства.

В-третьих, определяя свое негативное отношение к сирийскому режиму, саудовские власти, прежде всего, делали акцент на его отношениях с Ираном, который они рассматривали как главную региональную опасность для своей страны. В то же время на первых порах они не спешили оказывать поддержку оппозиции, опасаясь, что ее победа приведет к хаосу (Косач, 2015, с. 53). И лишь в августе 2011 г. они окончательно определились с отрицанием режима как такового, отозвав своего посла из Сирии и поддержав «своих братьев» в лице оппозиции в этой стране. В декабре 2012 г. КСА признала НКСРОС и выделила в ее поддержку 100 млн долл. Начиная с этого периода КСА неизменно выступала за отстранение Б. Асада от власти и создание переходного правительства с участием сирийской оппозиции.

Примечательно, что, выступая уже в 2014 г. против «Исламского государства» и призывая «уничтожить эту гадину террора», саудовские представители как предварительное условие ставили необходимость устранения действующего режима и присутствия Ирана в Сирии (Косач, 2015, с. 54). Но в качестве ядра будущей боеспособной сирийской армии они рассматривали ССА, а не какие-либо иные боевые группы.

Это не значит, что у КСА среди таких боевых групп не было своих предпочтений. Начиная с 2012 г. главная ставка де-

лалась им на «Лива аль-Ислам» во главе с Захраном Аллюшем, ориентировавшемся на ваххабизм и поддерживавшем тесные связи с Саудовской Аравией. В 2013 г., после инцидента с химическим оружием, в Королевстве надеялись на прямое вмешательство в Сирии США и других членов коалиции по ливийскому сценарию и были разочарованы тем, что этого не произошло. Когда «Лива аль-Ислам» превратилась в 2013 г. в зонтичную организацию под названием «Джейш аль-Ислам», поддержка ее со стороны Саудовской Аравии усилилась.

Что касается «Джабхат ан-Нусры» как сирийского отделения «Аль-Каиды» во главе с Абу Мухаммедом аль-Джулани, то официальное отношение к ней руководства КСА было резко отрицательным. Дело в том, что в Королевстве были памятны события первого десятилетия миллениума, когда «Аль-Каида» одним из главных театров своих действий выбрала именно Саудовскую Аравию, осуществляя там регулярные теракты (Труевцев, 2009, с. 159). Среди жертв «Аль-Каиды» были и члены большей королевской семьи. Этим объясняется резко отрицательное отношение клана Аль Сауд не только к «Нусре», но и впоследствии к ИГИЛ.

Однако не все так просто. Стабильность политического устройства КСА держится на идущем с XVIII века консенсусе между кланом Аль Сауд и племенем ат-Тамими, из которого происходил основатель ваххабизма (Васильев 1999, с. 90–101). Этот консенсус сохраняется до сих пор. Но именно из племени ат-Тамими по-прежнему рекрутируется значительное число ведущих богословов, в том числе и самого радикального направления. А эти богословы поддерживали и поддерживают связи с радикальными исламистскими организациями, включая «Аль-Каиду» и ИГИЛ.

Кроме того, после усиления шиитского вектора, связанного с Тегераном, в Ираке, а затем и в Сирии возник соблазн попытаться использовать радикальные сун-

нитские исламистские группировки в качестве инструмента в борьбе с Тегераном и его союзниками. Этим также объясняются контакты с «Нусрой» и ИГИЛ, которые осуществлялись в основном по линии спецслужб. Но вместе с тем при этих контактах КСА всегда стремилась соблюдать известную осторожность, памятуя об опасности, которая может происходить от этих организаций для самого Королевства.

КАТАР

Катар традиционно рассматривается в качестве одного из главных акторов ближневосточного конфликта, наряду с Саудовской Аравией, Ираном и Турцией. Это можно было бы считать большим преувеличением в отношении географического и демографического карлика (территория Катара чуть больше территории Ливана, но, в отличие от последнего, почти целиком занята пустыней, а население менее 2 млн чел.), если бы не три обстоятельства:

- Избыточные финансовые ресурсы (начиная с миллениума Катар занимал первое место в мире по доходам на душу населения), что порождает соблазн использовать их для геополитических авантюр. Для Катара таким соблазном стала «арабская весна».

- Одним из главных этнообразующих племен Катара является племя ат-Тамими, то самое, из которого происходил основатель ваххабизма и которое является частью политического консенсуса в КСА. К этому племени принадлежит и правящая семья Ат-Тани. Это обстоятельство, с одной стороны, определяет относительную самостоятельность Катара от Саудовской Аравии, а с другой – дает возможность построения отношений с различными радикальными исламистскими организациями (в прошлом с «Аль-Каидой» и «Талибаном», сейчас – с «Братьями-мусульманами», «Нусрой» и ИГИЛ).

- Катар, начиная с миллениума, превратился в настоящий медиахаб арабского и исламского мира, прежде всего благодаря медийной империи «Аль-Джазира»,

сыгравшей значительную роль в событиях «арабской весны».

За пределами вышесказанного, впрочем, роль Катара на поверку остается весьма ограниченной, если, конечно, не считать чисто финансовых и медийных ресурсов. Однако превращение их в политические, а тем более в геополитические возможно лишь при наличии сильных союзников, которым в одних обстоятельствах оказывалась Саудовская Аравия, в других Турция, в-третьих – Соединенные Штаты.

Относительная самостоятельность Катара проявилась в построении контактов с «Нусрой» и ИГИЛ. Но как раз эта роль, так же как и чрезмерная, по мнению КСА, поддержка Катаром «Братьев-мусульман», определила границы этого эмирата в проведении самостоятельной внешней политики. Начиная с 2013 г. КСА стала обвинять Катар в поддержке террористов, что несет угрозу стабильности арабских государств Персидского залива, а в начале 2014 г. КСА, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из эмирата. Закончилось это примирением, но этот демарш показал, что Саудовская Аравия не позволит Катару играть роль абсолютно самостоятельной фигуры в региональной политике.

ИРАН

Единственной из региональных держав, территорию которой конфликт ни прямо, ни косвенно никак не затронул, является Иран. Более того, многие аналитики полагают, что Иран является и единственной региональной державой, оказавшейся в выигрыше от конфликта даже в тот период, когда возникла реальная угроза падения сирийского режима и распада Иракского государства.

Некоторые существенные реалии, связанные с сегодняшней ролью Ирана в ближневосточном конфликте, с точки зрения исторической ретроспективы, могут показаться парадоксальными. Страна, первой обозначившая приход политического ислама во властные структуры, сегодня позиционирует себя в качестве

одного из главных защитников светского режима в Сирии, противники которого выступают под флагом ислама. Страна, с которой многие связывали, может быть, в первую очередь понятие исламизма, поскольку здесь не просто лозунги, а религиозные институты прямо вписаны в политическую систему, причем на главных ролях, сегодня в качестве своих основных противников в регионе рассматривает большинство радикальных исламистских группировок – от «Братьев-мусульман» до «Аль-Каиды» и ИГИЛ. Ну, и наконец, страна, режим которой в СССР рассматривался в качестве одного из наиболее опасных идеологических и политических противников, сегодня оказывается в рядах наиболее важных политических союзников России в регионе.

Такое положение, разумеется, сложилось не сразу. Вряд ли кто-либо будет отрицать, что становление и развитие политической системы современного Ирана связано с радикальным исламом. Но с радикальным исламом, победившим в форме революции, в парадигме которой правящие королевские режимы, начиная с Саудовской Аравии, рассматривались как реакционные, а оппозиционные исламистские движения – как революционные. Поэтому отношения с Саудовской Аравией изначально складывались как враждебные, чему способствовали претензии Ирана на начальном этапе возглавить не шиитский ислам, а современный ислам вообще. Отсюда – контакты с Усамой бен Ладеном на начальном этапе становления «Аль-Каиды», отсюда же и спонсорство египетских «Братьев-мусульман» в годы пребывания их в оппозиции, финансирование «Хамас» и, разумеется, наиболее близкой Ирану шиитской «Хизбаллы» в Ливане.

Но по мере государственного становления и развития на первый план все больше выходили и чисто государственные интересы, чему в немалой степени способствовала восьмилетняя ирано-иракская война, а затем и ситуация вокруг Ирака,

начиная с захвата им Кувейта и заканчивая оккупацией Ирака в 2003 г. В рамках этих государственных интересов, разумеется, все больше вырисовывалось значение шиитской оси в Ираке, Ливане, Афганистане и Пакистане. Но не только. Иран, например, поддерживал иракских курдов и давал им приют в ходе их противоборства с режимом С. Хусейна.

В этой же логике выстраивался долгосрочный союз с Сирией: благодаря общей опоре на «Хизбаллу» в Ливане обозначилось стратегическое совпадение интересов Сирии и Ирана, которое переросло в тесное межгосударственное сотрудничество уже на рубеже веков.

«Арабскую весну» в Иране поначалу восприняли как шанс не в меньшей степени, чем, например, в Турции или в ряде арабских государств Персидского залива, однако как шанс развития своей революционной интерпретации ислама, который, впрочем, совпадал и с геостратегическими интересами Ирана. Поэтому Иран изначально поддержал Тахрир в Египте, а с приходом к власти там «Братьев-мусульман» у них стали выстраиваться с Ираном очень тесные отношения (что не мешало Ирану продолжать и близкие государственные контакты с сирийским режимом, несмотря его враждебные отношения с Египтом в этот период).

Однако сирийский конфликт, так же как развитие политического процесса в Ираке в 2011–2014 гг., заставил Иран совершить тот выбор, который и характеризует его политическую линию в регионе на сегодняшний момент. Начиная с 2011 г. Иран стал делать однозначную ставку на существующий режим, а рубеж 2013 г. окончательно расставил здесь точки. Слабость сирийской армии в противоборстве с оппозицией стала компенсироваться хотя бы отчасти вступлением в войну «Хизбаллы», а офицеры КСИР сыграли немалую роль в переподготовке и даже становлении более отчетливого стратегического рисунка действий сирийской армии, учитывая их опыт в локальном ирано-иракском конфликте.

Но тем самым Иран обозначил себя как однозначно враждебная сила по отношению ко всем радикальным суннитским организациям (Bassiri, Pantucci, 2016, p. 6–7), тем более что его прямое участие в сирийском конфликте повлекло за собой привлечение в борьбу на стороне сирийского режима шиитских отрядов из Ирака, Афганистана и Пакистана.

Не менее значимо для Ирана разворачивались и события в Ираке. Объединение «Аль-Каиды» с силами бывшего баасистского режима и ведущая военная роль в ИГИЛ бывших офицеров Национальной гвардии означала для Ирана переход в этой стране той красной черты, за которой прямое вмешательство в конфликт становится непреложным. Американцы, которые формально продолжали контролировать иракский режим, просто не смогли этому ничего противопоставить, тем более после того, как подготовленная ими иракская армия потерпела позорный провал. Прямое вмешательство иранской армии и сил КСИР (Раванди-Фадаи, 2017), а также роль подготовленных им шиитских отрядов народной самообороны стали тем фактором, который предотвратил захват Багдада: силы ИГИЛ просто не решились идти на прямую конфронтацию с иранцами и неожиданно повернули свое фронтальное наступление на территорию Сирии.

Изменение динамики, структуры и содержания конфликта с 2015 г.

В 2015 г. произошел целый ряд событий, внесших существенные изменения в ход и само содержание регионального конфликта на Ближнем Востоке. Перечислим основные из них.

- Быстрое продвижение ИГИЛ по территории Сирии, захват им Пальмиры и основных нефтегазовых структур страны, выход отрядов «Исламского государства» в пригороды Дамаска. Критическое положение сирийского режима.

- Ввод Воздушно-космических сил России в Сирию по просьбе сирийского правительства. Резкое обострение российско-турецких отношений после того, как Турция сбила российский самолет.

- Изменение военно-политической ситуации в Ираке в пользу правящего режима и союзных с ним сил. Освобождение значительной части страны от власти ИГИЛ.

- Превращение курдов в один из важнейших факторов противостояния ИГИЛ. Поворот в создании курдской автономии на севере Сирии.

- Политический поворот в Йемене в результате событий сентября-декабря 2014 г. Наступление Йеменского альянса и захват им значительной части территории страны.

- Смена власти в Эр-Рияде. Вступление Саудовской Аравии и ряда союзных с ней стран в войну в Йемене.

Даже простое перечисление всех этих событий говорит о существенных изменениях в ходе конфликта и его содержании. Сирия продолжала и продолжает до сих пор оставаться эпицентром конфликта. Поэтому от ситуации в этой стране в существенной мере зависит положение в регионе в целом. Но если к концу 2014 г. правительственным силам, как уже отмечалось, удалось достичь относительной стабилизации на фронтах, в первой половине 2015 г. ситуация изменилась не в их пользу. Одной из главных причин этого стало молниеносное наступление ИГИЛ, в результате которого из-под контроля сирийского режима ушло более половины территории страны. Захватив Пальмиру и основные нефтегазовые районы страны, боевые отряды ИГИЛ подошли к предместьям сирийской столицы. Это наступление способствовало активизации и других исламистских сил. В этих условиях положение сирийского режима становилось критическим.

Учитывая эти обстоятельства, сирийский президент Б. Асад 30 сентября 2015 г. обратился к России с просьбой об оказа-

нии военной помощи. В тот же день Совет Федерации РФ дал Президенту России В. Путину согласие на использование ВС РФ на территории САР. При этом речь шла только о военно-воздушных силах (переименованных позже в ВКС).

Вступление ВКС РФ в военные действия в Сирии в поддержку сирийской армии способствовало перелому в ходе военных действий. Этот перелом стал особенно ощутимым, когда весной 2016 г. была освобождена Пальмира, а в декабре полностью очищен от боевиков второй по значению город страны Алеппо. Помимо воздушных операций, в результате которых существенным образом была подорвана военная и экономическая структура ИГИЛ (так, по данным МО РФ, поступления от продажи нефти и нефтепродуктов ИГИЛ за время операции сократились с 2 млрд до 200 млн долл.), а также боевые возможности других террористических групп. К настоящему времени территория, контролируемая ИГИЛ, существенно сократилась, фактически «Исламское государство» полностью отогнано от соприкосновения с границами Турции, а на юге почти целиком изолировано от границ с Иорданией и оказывается полностью запертым в сирийско-иракском ареале, что не только препятствует в перспективе его расширению, но и сокращает до минимума возможности дальнейшего поступления материальных, а главное, человеческих ресурсов на его территорию.

Существенному сужению возможностей ИГИЛ также способствовали два фактора. Первый – оказавшееся неожиданным для «Исламского государства» сопротивление сирийских курдов, которым удалось уже в январе 2015 г. полностью освободить от ИГИЛ административный центр Кобани, а затем, продолжив наступление против террористов, очистить от них практически всю территорию Си-

рийского Курдистана, где в течение 2015–2016 гг. была сформирована политическая инфраструктура и отряды народной самообороны Курдской автономии, ставшей, таким образом, политической реальностью Сирии и всего Ближневосточного региона¹⁶. Вторым фактором стало изменение военно-политического положения в Ираке.

В 2015 г. стал намечаться некоторый перелом в ходе боевых действий вооруженных сил Ирака против ИГИЛ. Министру обороны страны Халеду аль-Обейди удалось не только частично восстановить боеспособность по крайней мере части регулярных вооруженных сил, но и достичь определенного уровня координации их действий с отрядами шиитской милиции, отличавшимися наибольшей боеспособностью вне рамок регулярной армии. Одним из первых результатов этого стало освобождение от ИГИЛ г. Тикрита в конце марта 2015 г.

В марте 2016 г. армия Ирака объявила о начале операции по освобождению Мосула, однако серьезных успехов в этом ей достичь не удалось вплоть до конца года. Вместе с тем одним из главных достижений иракских вооруженных сил стала операция по освобождению аль-Фаллуджи, завершившаяся занятием города в конце июня. Это означало переход под контроль правительства значительной части провинции аль-Анбар.

В результате, по официальным данным Багдада, к концу июля ИГИЛ контролировал лишь 10% территории страны, в то время как в 2014–2015 гг. эта цифра составляла 40%. Но террористическая активность ИГИЛ, постоянно осуществляемая в различных районах страны, включая Багдад, отнюдь не утратила своей интенсивности. Террористические акты происходят почти ежедневно, унося десятки и сотни жизней.

16 Эсеров Ахмет. Сирийский Курдистан: военные успехи, политическое строительство и открытый вопрос статуса URL: <http://va.ivran.ru> (Дата обращения: 15.03.2017)

Возвращаясь к сирийскому театру военных действий, следует отметить, что существенные успехи были достигнуты и в противостоянии не только с ИГИЛ, но и с другими оппозиционными, прежде всего террористическими, силами. После победы в Алеппо и здесь определился перелом. В настоящее время оппозиционные силы практически заперты в основных 4 анклавах: 1) самом большом в провинции Идлиб, где под контролем оппозиции находится вся провинция с небольшими вкраплениями частей провинций Алеппо и Хама; 2) совсем крохотном анклав в провинции Хомс к северу от провинциального центра, 3) небольшом анклав в оазисе Восточная Гута к северу от Дамаска и 4) более значительном по размерам анклав в провинциях Даръа и Сувейда¹⁷. Во всех этих анклавах происходит военное противостояние между различными силами оппозиции, прежде всего теми, которые противостоят «Джабхат ан-Нусре», а также в некоторых случаях – ИГИЛ, где его отряды присутствуют в основном в точечном формате, оторванном географически от основной территории, контролируемой данной организацией. Это дает надежду на то, что разделение «умеренной» оппозиции и основных террористических групп произойдет «естественным» путем окончательного внутреннего размежевания.

Наиболее важным в этом контексте представляется прорыв на переговорах в Астане в мае 2017 г., который был согласован с представителями примерно тридцати, т. е. практически всех крупных оппозиционных боевых групп. По итогам был опубликован Меморандум о создании зон деэскалации конфликта именно в перечисленных анклавах под контролем стран-гарантов – России, Турции и Ирана. Это практически означает, что все перечисленные анклавы, полностью или частично окруженные сирийскими правительствен-

ными войсками, становятся в военном и политическом отношении зонами подконтрольными процессу политического урегулирования, притом что борьба с террористическими организациями будет продолжена.

События, произошедшие в Эр-Рияде в 2015 г., и события в Йемене находятся в тесной взаимосвязи. В конце января 2015 г. на трон заступил новый король Салман бен Абдель Азиз Аль Сауд. Это, казалось бы, рутинное для жизни Королевства событие на этот раз имело достаточно серьезные последствия, учитывая тот факт, что на место заместителя наследного принца назначен молодой и амбициозный сын короля Салмана, Мухаммед бен Салман, который одновременно возглавил министерство обороны. Это назначение, в свою очередь, может означать такую резкую смену поколений исполнителей реальной власти, которая сравнима с перестройкой в СССР. Действительно, молодой принц объявил курс на далеко идущие экономические реформы, которые могут повлечь за собой и ускорение политических реформ. Но в контексте ближневосточного конфликта это пока не главное. А главное заключается в том, что уже в марте Саудовская Аравия объявила о начале военной операции в Йемене.

Подоплека вмешательства Саудовской Аравии в йеменские события заключается в следующем. Как следствие «арабской весны» в Йемене произошла смена власти, в результате которой политический процесс в стране на какое-то время оказался под контролем Саудовской Аравии, тщательно выращивавшей там политические силы ваххабитской направленности. Однако начиная с августа-сентября 2014 г. события в Йемене стали развиваться в ином направлении. В столицу вошли отряды движения «Ансар Аллах», называемые также хуситами, по имени его руко-

17 В Астане принят Меморандум о зонах безопасности в Сирии. URL: <https://syria/20170504/1493671459.html>. (Дата обращения: 15.03.2017)

водителя. К январю 2015 г. это движение практически осуществляло контроль над политической властью, вступив в альянс с бывшим президентом страны А. Салехом и подчиненными ему вооруженными силами, а затем на марше захватило большую часть страны. Началась полномасштабная гражданская война. Президент страны А. Хади, отстраненный от власти хуситами, бежал в Саудовскую Аравию. Поводом же для вмешательства послужили опасения Саудовской Аравии, что хуситы, представляющие зейдитскую ветвь шиитского направления в исламе, усилят шиитскую ось в регионе и влияние Ирана. Тегеран, в свою очередь, подогрел эти опасения, начав оказывать поддержку хуситам (Серебров, 2017, с. 128–150).

Своим вмешательством в события в Йемене Саудовская Аравия спровоцировала в этой стране масштабную гуманитарную катастрофу, однако все эти действия не только не способствовали ее победе, но и привели к частичному перенесению войны на территорию Королевства.

Применительно к основному ареалу ближневосточного конфликта вовлеченность Саудовской Аравии в войну в Йемене привела к дальнейшему ослаблению ее позиций в Сирии, что значительно ухудшает и ее позиции как региональной державы.

События 2015 г. привели и к ослаблению региональных позиций Турции. Уничтожение военного самолета РФ турецкими истребителями над территорией Сирии поставило российско-турецкие отношения на грань конфликта. Нервозность руководства Турции в отношении вступления России в сирийский конфликт объяснялась тем, что помощь РФ сирийским войскам привела не только к крушению надежд Турции на свержение сирийского режима и замену его силами подконтрольными Анкаре, но и, более того, к существенному ослаблению влияния вооруженных групп, прямо связанных с Турцией, а также перекрытие возможностей осуществления военного, экономи-

ческого и другого сотрудничества с «Нусрой» и ИГИЛ, которое осуществлялось в 2013–2015 гг.

Период обострения отношений с Россией продолжался почти год. Он сопровождался охлаждением отношений и с союзниками по НАТО – США из-за разногласий по поводу поддержки американцами сирийских курдов и невмешательством в инцидент с российским самолетом, за которым прослеживалось молчаливое осуждение, с ЕС – из-за массовой эмиграции в Европу с территории Турции, в которой помимо сирийцев участвовали и граждане других стран, вплоть до Афганистана и Пакистана.

Кроме того, Турция оказалась перед лицом курдской автономии на Севере Сирии, созданной по лекалам лидера РПК А. Оджалана с дееспособными вооруженными силами, сформированными при содействии РПК. Причем территория автономии быстро расширялась, и перед Турцией замаячила перспектива охвата ею почти всей пограничной территории с Сирией. В ответ турецкая армия и полиция начали операцию против курдов на юго-востоке своей страны, но и там столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Тем временем в самой Турции назревал военный переворот.

Попытка военного переворота произошла в июле 2016 г., но незадолго до нее Р. Эрдогану удалось погасить конфликт с Россией. Помощь России и Ирана в предотвращении переворота произвела существенные изменения как в двухсторонних, так и в трехсторонних отношениях.

Это обновило конфигурацию взаимоотношений трех стран по поводу сирийского конфликта. Разумеется, их интересы по-прежнему не совпадали. Россия и Иран продолжали поддерживать сирийский режим, а Турция – оппозицию. Но появилась возможность согласовать эти интересы так, чтобы усилить вектор мирного урегулирования. Кроме того, Турция была вынуждена принять курс на конфронтацию с ИГИЛ и «Нусрой», дру-

гое дело, насколько он был наполнен реальным содержанием.

Тем не менее это определило объективный рисунок ситуации на финальной стадии освобождения Алеппо. Турция, начав операцию «Щит Евфрата» и ликвидировав в ходе нее единственный участок соединения «Исламского государства» с турецкой границей, в то же время преследовала цель не дать соединиться курдским анклавом на севере провинции Алеппо. Это ей удалось путем оккупации части сирийской территории. Но в ходе операции Турция оттянула часть боевиков Сирийской свободной армии, «Ахрар аш-Шам» и других группировок из Алеппо, тем самым поспособствовав освобождению города.

В дальнейшем из конфигурации Россия – Иран – Турция вырос рисунок гарантов урегулирования через астанинский процесс. Ценность его в том, что, в отличие от женевских переговоров, он сажает за один стол с представителями сирийского режима не заграничную оппозицию, часто не имеющую реальной почвы внутри страны, а тех, за кем стоят боевые отряды. Кроме того, астанинский процесс способствует практическому разделению «умеренной» оппозиции от террористов, что находит подтверждение сегодня в зонах деэскалации. Таким образом, начинают проступать не только некоторые контуры урегулирования, но и возможный рисунок постконфликтного регионального дизайна.

Заключение

Территория ИГИЛ медленно, но неуклонно сужается, существенно уменьшаются его материальные и человеческие ресурсы. Несмотря на все противоречия сил, противостоящих ИГИЛ, включая сирийскую армию, Россию, Иран и шиитские отряды, сирийских и иракских курдов, шиитские отряды Ирака, иракскую армию, силы руководимой США коалиции, суммарный вектор их действий объектив-

но движется в одном направлении – на сужение территории «Исламского государства» и его окончательной ликвидации. Операция по взятию Мосула, операция курдов в Табке, операция по расширению плацдарма вокруг Пальмиры – все это позволяет говорить о том, что историческое время ИГИЛ в сирийско-иракском ареале близится к завершению.

Существенным образом сужаются возможности «Нусры». Ареал ее действий в основном заперт в анклавах, где идет противоборство между ней и другими оппозиционными силами. Все это говорит о том, что возможности сохранения единства Сирии скорее увеличиваются, чем уменьшаются. Тем самым вопрос о том, что «сначала уход Асада, а затем уничтожение ИГИЛ и “Нусры”» снимается. Тем более что его фактически уже сняли и американцы, а сейчас и саудовцы, и многие другие, когда безоговорочно поддержали Меморандум о создании зон деэскалации. Другое дело, что в процессе воссоздания сирийского государства предстоит мучительный пересмотр ряда основ, на которых держался сирийский режим. Это обещает и какие-то формы политического противоборства, которые, надо полагать, будет все же возможно утрясти в ходе мирного урегулирования.

Курдская автономия в Сирии – реальность, с которой придется считаться всем региональным игрокам независимо от того, нравится им это или нет. Поэтому форма государственного устройства Сирии будет меняться. Но здесь, по крайней мере на обозримом отрезке, одной из гарантий может быть то, что сами курды твердо придерживаются принципа автономии в составе Сирии.

Положение в Ираке выглядит сложнее. Все курдские партии проголосовали за проведение референдума о независимости, который назначен на осень 2017 г. В случае выхода Курдистана из состава Ирака распад страны неминуем. При этом сохраняется проблема шиитско-суннитской конфронтации, которая будет постоян-

ным источником конфликта и может породить новые рецидивы радикального исламизма.

Йемен близок к распаду на Север и Юг. Вопрос заключается в прекращении военного вмешательства Саудовской Аравии и поиска путей мирного развода в случае невозможности дальнейшего существования единого государства, а также предотвращения дальнейшего распада страны.

Для Саудовской Аравии вопрос прекращения войны в Йемене также центральный, поскольку ее продолжение начинает угрожать и самому существованию королевства.

В Турции в случае прекращения сирийского конфликта в центре политической повестки окажется курдский вопрос. Его урегулирование сможет существенно стабилизировать внутреннюю обстановку, в противном случае угроза дезинтеграции и даже масштабного внутреннего конфликта будет нарастать. В любом случае на обозримый период региональный вес Турции уменьшается, и это, возможно, наименьшая расплата за стратегические просчеты в Сирии.

Список литературы

- Васильев А.М. (1999). *История Саудовской Аравии*. Москва: «Классика плюс». 672.
- Косач Г. Г. (2015). Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «арабской весны». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, (3). 50–62.
- Мирский И. Г. (2005). Ирак не станет вторым Вьетнамом. *Экономические стратегии*, (2). 16–23.
- Раванди-Фадаи Л.М. (2017). От строителя до генерала: кто такой Касем Сулеймани. *Восточная аналитика. Сетевой аналитический журнал Института востоковедения РАН*. URL: <https://va.ivran.ru/articles?artid=7306> (Дата обращения: 15.04.2017)
- Серебров С. (2017). Йеменский кризис: «тикающая бомба». *Международная жизнь*, (2). 128–150.
- Труевцев К.М. (2009). Экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность. *Полития*, (3). 157–169.
- Труевцев К.М. (2011). *Год 2011 – новая демократическая волна?* Москва: Изд. дом «Высшей школы экономики». 28.
- Шишкина А. Р. (2012). Сирия: секреты стойкости режима. Коротаев А.М., Исаев Л.М. (ред.) *Арабский мир после арабской весны*. Москва: ЛЕНАНД. 323–353.
- Bassiri A., Pantucci R. (eds.). (2016). *Understanding Iran's Role in the Syrian Crisis*. 53. URL: https://rusi.org/sites/default/files/201608_op_understanding_irans_role_in_the_syrian_conflict_0.pdf (Accessed: 18.04.2017)
- Bassiri A., Pantucci R. (eds.). (2016). *Understanding Iran's Role in the Syrian Crisis*. 53. URL: https://rusi.org/sites/default/files/201608_op_understanding_irans_role_in_the_syrian_conflict_0.pdf (Accessed: 18.04.2017)
- Kosach G. G. (2015). Evolyutsiya vneshnei politiki Saudovskoi Aravii posle «arabskoi vesny» Evolution of the foreign policy of Saudi Arabia after the “Arab Spring”. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, (3). 50–62.
- Mirskii I. G. (2005). Iraq won't become the second Vietnam. *Ekonomicheskie strategii*, (2). 16–6–23.
- Ravandi-Fadai L.M. (2017). From a Constructor to a General: who is Kasem Suleimani. *Vostochnaya analitika. Setevoi analiticheskii zhurnal Instituta vostokovedeniya RAN*. URL: <https://va.ivran.ru/articles?artid=7306> (Accessed: 15.04.2017)
- Serebrov C. (2017). The Yemen Crisis: a “ticking bomb” ». *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (2). 128 – 150.
- Shishkina A. R. (2012). Syria: the secrets of the fortitude of the regime. Korotaev A.M.,

Isaev L.M. (eds.). *The Arab World after the arab spring*. Moskva: LENAND. 323–353.

Truevtsev K.M. (2009). Economic Crisis and the Arab World: scenerios and reality, *Politiya*, (3). 157–7–169.

Truevtsev K.M. (2011). *The Year of 2011: new democratic wave?* Moskva: Izd. dom “Vysshei shkoly ekonomiki”. 28.

Vasil'ev A.M. (1999). *History of Saudi Arabia*. Moskva: “Klassika plyus”. 672.

Информация об авторе

Константин Михайлович Труевцев, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения, Российская академия наук

107031, Российская Федерация, Москва, Рождественка ул., 12
hrrc@mail.ru

About the Author

Konstantin M. Truevtsev, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka ul., Moscow, Russian Federation, 107031
hrrc@mail.ru